

ГРАФИЧЕСКИЙ ОБЛИК ПОЭЗИИ Ф.И. ТЮТЧЕВА

В статье рассматриваются некоторые структурные особенности и функции курсива, графического эквивалента текста и «лесенки» в поэзии Ф.И. Тютчева. Средства графики поэта показаны во взаимосвязи с другими компонентами его поэтической системы. Статистические данные по графике Тютчева сопоставляются с аналогичными данными по другим поэтам.

В стиховедении проблема графики – ключевая, так как графическое членение текста на строки (стихи), по утверждению М.Л. Гаспарова [14], является константным признаком стихотворной речи. Известно также, что Б.В. Томашевский говорил о проблеме «графической формы» [31], Ю.М. Лотман – о «графическом образе поэзии» [20], А.Л. Жовтис – о «графической композиции» стихотворного произведения [18], Г.О. Винокур – о «типографской форме стихотворной строчки» [13]. Несмотря на это, графика остается относительно малоизученной областью стиховедения. Особенно ошутим дефицит работ, посвященных графике отдельных поэтов. Восполняя этот пробел, мы в течение ряда лет исследовали графику Н.А. Некрасова в контексте его предшественников и современников [2]. Настоящая статья продолжает изучение графического облика произведений русских поэтов.

Насколько нам известно, ни одна из работ не была посвящена графическому облику поэзии Ф.И. Тютчева, хотя его поэтический мир неоднократно исследовался Н.Я. Берковским [1], А. Гачевой [15], М.М. Гиршманом [16], А.Д. Григорьевой [17], В.В. Кожинным [19], Ю.М. Лотманом [21], Е.А. Майминым [22], А.А. Николаевым [24], Л.П. Новинской [25], А.Л. Осповат [26], К.В. Пигаревым [28], И.Ю. Подгаецкой [29], Л.В. Пумпянским [30], И.О. Шайтановым [33], Г.В. Чагиным [34] и др. Находим только отдельные упоминания К.В. Пигарева о «строках точек» [28, с. 259], А.Д. Григорьевой о «многоточии» [17, с. 149], Г.В. Чагина об «отточии» [34, с. 23] в стихотворении Тютчева «Весь день она лежала в забытьи...», И.О. Шайтанова о «цензурных купюрах» в тексте «Не то, что мните вы, природа...». Л.П. Новинская в связи с методикой статистического описания метрики и строфики Тютчева указывает на «отточия» в стихотворениях

«Итальянская villa», «Весь день она лежала в забытьи...» и на эквивалент текста в «Могиле Наполеона», в стихотворении «Не то, что мните вы, природа...» [25, с. 356].

В свете вышесказанного данная статья является первой попыткой изучения графики поэта. Здесь будут рассмотрены такие графические средства поэзии Тютчева, как «лесенка» (графический разлом строки, лестничная разбивка стиха), курсив (шрифтовое выделение слов) и графический эквивалент текста (графическая замена словесного текста знаками).

Поэты XVIII-XIX веков [8, с. 131; 3, с. 23] активно использовали перечисленные графические приемы. Максимальное их применение было зафиксировано в поэзии А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и Н.А. Некрасова, большая же часть стихотворцев использовали их сдержанно, отдавая предпочтение тому или иному приему. К ним и относится, по нашим наблюдениям, одна из ярчайших фигур русской поэзии XIX в. – Ф.И. Тютчев.

Исследование проводилось по «Полному собранию стихотворений» Ф.И. Тютчева [32]. Изучаемые графические приемы мы обнаружили в 46 произведениях Тютчева: 1) «лесенка» (3 случая в 2 произведениях)

«Кто звал меня?»

– «О страшный вид!»

– «Ты сильным и упрямым чаром
Мой круг волшебный грыз недаром –
И днесь...»

– «Твой взор меня мертвит!»

(«Кто звал меня?» – «О страшный вид...»)

2) графический эквивалент текста (6 случаев в 5 произведениях):

И мы вошли... всё было так спокойно!

Так всё от века мирно и темно!..

Фонтан журчал... Недвижимо и стройно

Соседний кипарис глядел в окно.

.....
 Вдруг всё смутилось: судорожный трепет
 По ветвям кипарисным пробежал, –
 Фонтан замолк – и некий чудный лепет,
 Как бы сквозь сон, невнятно прошептал...
 («Итальянская villa»)

3) и самый распространенный прием – курсив (91 случай в 42 произведениях) [о критериях выделения единиц курсива см.: 5, с. 72]:

Лишь одного он не видал...
 Не видел он, воитель дивный,
 Что там, на стороне противной,
 Стоял *Другой* – стоял и ждал... («Неман»)

«Лесенка» у Тютчева во всех случаях недраматическая, драматическая не используется [об этих видах «лесенок» см.: 8, с. 131]. Хотя нами было замечено, что, как правило, недраматическая «лесенка» появляется у поэтов, работавших над драматическим стихом [2, с. 20]. Наряду с Тютчевым еще 12 поэтов применяли только недраматическую «лесенку»: В.Л. Пушкин, П.А. Вяземский, В.Ф. Раевский, В.С. Филимонов, А.П. Крюков, Н.А. Добролюбов, Я.П. Полонский, Н. Ломан, Ф.Б. Миллер, А. Сниткин, К.К. Случевский, Л.Н. Трефолев [2, с. 20].

Графический эквивалент текста (ГЭТ) использовался Тютчевым как выразительное средство, за исключением случаев из стихотворений «Могила Наполеона» и «Не то, что мните вы, природа...», цензурный характер которых был отмечен К.В. Пигаревым и А.А. Николаевым:

Не то, что мните вы, природа:
 Не слепок, не бездушный лик –
 В ней есть душа, в ней есть свобода,
 В ней есть любовь, в ней есть язык...

 («Не то, что мните вы, природа...»)

Наибольший интерес Тютчева к графике был проявлен в 1850–1860-е годы (63% текстов с курсивом и 4% – с графическим экви-

валентом) – период поздней лирики поэта, когда, по утверждению Н.Я. Берковского, его поэзия «заметно обновляется», он «входит в широкую полосу русской литературы, озаменованную именами Некрасова и Достоевского» [32, с. 34, 37]. Примечательно, что это время, когда, по нашим данным, у большинства русских поэтов возрастает интерес к использованию «лесенки» [2, с. 22]. Но у Тютчева в указанные годы преобладает курсив, активность применения которого в русской поэзии приходится на 1790–1820-е годы. Кроме этого, как показывает статистика, Тютчев относится к авторам, интенсивно использовавшим курсив, наряду с такими поэтами XIX в., как В.А. Жуковский, Ф.Н. Глинка, П.А. Вяземский, А.С. Пушкин, В.К. Кюхельбекер, М.Ю. Лермонтов, В.Г. Бенедиктов, Л.А. Мей, В. Курочкин, Д. Минаев и Н.А. Некрасов [2, с. 81].

Прежде мы отмечали, что «яркая примета поэзии 1790-1820-х гг. – употребление курсива имен собственных и местоимений» [2, с. 82]. Произведения Тютчева, написанные в ранний период его творчества и имеющие курсивные выделения («Пускай от зависти сердца зоилы ноют...», 1818, «Послание Горация к мекенату», 1819, «Урания», 1820, «Песнь радости», 1823), тоже отличаются данной приметой. Однако и впоследствии поэт прибегает к курсивам местоимений («Не рассуждай, не хлопочи...», 1850, «Неман», 1853, «На новый 1855 год», 1854-55, «Есть и в моем страдальческом застое...», 1865, «Современное», 1869 и др.), выполняющим функцию выделения «условных понятий», т. е. выделения слов, лишенных определенных значений [о функциях курсива см.: 10]. Их смысл разгадывается при осмыслении содержания текста. К примеру, в стихотворении «Не раз ты слышала признание...»: «Невольно клонишь ты колени / Пред колыбелью дорогой, / Где спит она – твое рождение – / Твой безымянный херувим...». Произведение относится ко времени рождения дочери Тютчева и Е.А. Денисьевой. «Она» – «безымянный херувим», поскольку, по мнению В.В. Кожина [19, с. 372], поэт писал стихотворение до крещения девочки. Следовательно, под словом «она» имеется в виду новорожденная дочь Тютчева.

Иногда с помощью курсива у Тютчева подчеркивается выражение отношения к чему-либо. Например, в «Ю.Ф. Абазе»:

По всемогущему призыву
Свет отделяется от тьмы,
И мы не звуки – *душу живу*,
В них вашу душу слышим мы.

В выделенных словах сосредоточено чувство ликования, освобождения, возникающее благодаря светлому и задумчивому пению, в котором слышатся не звуки, а душа. Эффект усиливается благодаря тому, что курсив выделяет рифму [об особенностях маркирования рифмы курсивом см.: 4, с. 32-36]. Словосочетание «*душу живу*» находится в сильной позиции перед основной стиховой паузой, а значит и интонируется отчетливее.

В стихотворении «Над Россией распростертой...», используя курсив, Тютчев способствует усилению иронии по поводу грозной фигуры России – П.П. Шувалова, шефа жандармов и начальника III Отделения, который «был облечен чрезвычайными полномочиями и получил в Петербурге прозвища «Петр IV» и «Аракчеев II» [32, с. 412]:

Над Россией распростертой
Встал внезапно грозой
Петр, по прозвищу *четвертый*,
Аракчеев же – *второй*.

В данном случае курсив тоже выделяет рифму. Поэт акцентирует внимание на смысловой роли рифмующихся слов «распростертой – *четвертый*», «грозой – *второй*», в которых слышится насмешка.

Курсив у поэта выполняет также функцию маркирования характеристики лица, предмета или явления: в стихотворении «29 января 1837» подчеркивается определение человека, убившего А.С. Пушкина («Навек он высшею рукою / В «цареубийцы» заклеимен»), в «Спиритическом предсказании» – определение Москвы («И будет старая Москва / *Новейшею* из трёх её столиц»), в произведении «На юбилей князя А.М. Горчакова» – определение русского духа («И им впервые русский дух / *Союзной силой* признан смело»).

Помимо этого, в подавляющем большинстве случаев использования графических приемов нами было замечено, что с их помощью маркируются главные особенности поэтики произведений Тютчева.

Уже неоднократно ученые отмечали, что поэзии Тютчева присуще объединение полярностей, противоположностей, контрастов, что двойственность является характерной особенностью его поэтического мира (Н.Я. Берковский, М.М. Гиршман, Е.А. Маймин). И.Г. Мозговых обобщила всю информацию о бинарности. Она рассматривает бинарность как «универсальный принцип поэтики Тютчева, выступающий в роли организующего начала на всех уровнях его поэтической системы» [23, с. 6], но в ее работе не ставится задача показать значение графических приемов в реализации этого принципа.

Нам удалось обнаружить, что данная особенность легко просматривается при анализе функций графических приемов. Так, можно говорить о том, что в стихотворениях Тютчева ГЭТ применяется как своеобразный знак перемен, обнаруживающий противопоставленность явлений. Например, в «Итальянской ville» (текст см. выше) с помощью ГЭТ стихотворение разделяется на две резко противопоставленные части: в первой – мир предстает цветущим и спокойным, во второй – картина изменяется, все охвачено смутой и «судорожным трепетом». Графический эквивалент обозначает переход, внезапное движение от одного состояния к другому и вместе с тем движение во времени [о функциях ГЭТ см.: 2, с. 187-207; 9]. Этот раздел подчеркивается строфическим пробелом. Или, к примеру, в одном из тютчевских шедевров любовной лирики, посвященном предсмертным часам жизни Е.А. Денисьевой [32, с. 406]:

И вот, как бы беседа с собой,
Сознательно она проговорила
(Я был при ней, убитый, но живой):
«О, как всё это я любила!»
.....
Любила ты, и так, как ты, любить –
Нет, никому еще не удавалось!

О господи!.. и это *пережить*...
И сердце на клочки не разорвалось...
(«Весь день она лежала в забытии...»),

«внутреннее движение стиха, его композиция основаны на сближении и резком противопоставлении жизни и смерти» [27, с. 62]. На наш взгляд, с помощью ГЭТ этот контраст усиливается. Описание последних минут жизни героини обрывается внезапной паузой [о роли этой паузы см.: 28, с. 259; 27, с. 61] (отмеченной эквивалентом), обозначающей ее смерть. Графическому эквиваленту предшествует метрический курсив, который выразительно имитирует последний вздох героини. К тому же ГЭТ выполняет здесь функцию эмоционально-психологического жеста, связанного с невозможностью описать испытываемые чувства, когда герой пытается осознать страшный смысл происшедшего. Знаком перемен и контраста графический эквивалент выступает и в «Ватиканской годовщине».

Стремление к полярностям и противоположностям, характерное для поэзии Тютчева, отмечается и в соотношении «свое-чужое», что подчеркивается у поэта с помощью курсива, выполняющего функцию выделения «чужого слова» [6]. Например, в стихотворении «На камень жизни роковой...», посвященном С.Е. Раичу: «Ум скор и сметлив, верен глаз, / Воображение – быстро... / А спорил в жизни только раз – / На *диспуте магистра*...», выделенное словосочетание является разновидностью «чужого слова» – аллюзией, поскольку служит «отсылкой» к 1822 г., ко времени защиты магистерской диссертации С.Е. Раичем [32, с. 374]. К реминисценции относится слово, маркированное курсивом в «Графине Е.П. Ростопчиной»: «Вот вижу я, как бы сквозь дымки, / Волшебный сад, волшебный дом – / И в замке феи *Нелюдимки* / Вдруг очутились мы вдвоем!...». Как указывает А.А. Николаев, «Нелюдимка» – это «драма Ростопчиной, напечатанная в 1850 г.» [32, с. 395]. Помимо этого, «чужое слово» становится предпосылкой появления курсива и в других произведениях: «Саконтала», «Императору Николаю I», «Небо бледно-голубое...», «Черное море» и т. д.

В другом случае характерное для поэтики Тютчева стремление к противоположно-

стям выделяется курсивом, выполняющим функцию сопоставления понятий. В частности, в «Графине А.Д. Блудовой»:

Как жизнь ни сделалась скуднее,
Как ни пришлось нам уяснить
То, что нам с каждым днем яснее,
Что *пережить* – не значит *жить*...

подчеркивается различная семантика выделенных слов: «*пережить*» – значит испытать, выдержать жизненные невзгоды, смириться, а «*жить*» – это постоянно быть полным жизненных сил и противостоять всему.

Принцип бинарности проявляется и в курсиве из стихотворения «С горы скатившись, камень лег в долине...»: «С горы скатившись, камень лег в долине. / Как он упал? Никто не знает ныне – / Сорвался ль он с вершины *сам* собой, / Или был *низринут* волею *чужой*?». Поставленный философский вопрос порождает двоякую характеристику камня с точки зрения внутренней и внешней силы воздействия, что и маркируется курсивом.

Исследователями была замечена и другая важная особенность стихотворных произведений Тютчева: «тема времени – одна из коренных, настойчиво проводимых у Тютчева» [32, с. 31], в его поэзии «выделяются темы, связанные с философией времени» [12, с. 66].

По нашим наблюдениям, выделению временных форм в произведениях Тютчева способствует преимущественно курсив. С его помощью подчеркиваются разные характеристики художественного времени [7]. Это позволяет говорить об органичном включении курсива в поэтическую систему Тютчева. Например, курсив из стихотворения «И в божьем мире то ж бывает...», вызванного «распоряжением Министерства внутренних дел о приостановке на три месяца газеты «Московские ведомости», к редакции которых Тютчев был в эти годы близок» [32, с. 410]: «Бессильна, как она ни злился, / Несвоевременная дурь, – / Метели, выюги улеглись, / Уж близко время *летних* бурь...». С учетом даты его написания – 11 мая 1866 г. – можно сказать, что выделение курсивом слова «*летних*», вероятно, играет роль намека на предстоящие летом политические «бури»

между чиновниками и редакцией «Московских ведомостей».

Или, скажем, в стихотворении «Он, умирая, сомневался...», написанном «по случаю столетней годовщины со дня смерти М.В. Ломоносова» [32, с. 408], с помощью курсива Тютчев делает акцент на провозглашении *вечной памяти* великому ученому и *вечной признательности* его «подвигам»: «И мы, признательные внуки, / Его всем подвигам благим / Во имя Правды и Науки / Здесь *память вечную* гласим...». Такую же функцию выделения временных форм курсив выполняет в стихотворениях «Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...», «Когда *осмнадцать лет* твой...», «Красноречивую, живую...» и др.

Иногда время маркируется с помощью графического приема «лесенки» [о функциях «лесенки» см.: 11], к примеру, в «Венеции»:

Века три или четыре,
Все могучее и шире,
Разрасталась в целом мире
Тень от *львиного крыла*.

А теперь?

В волнах забвенья
Сколько брошенных колец!..
Миновались поколения...

«лесенка» выделяет смену временных планов от тех столетий, когда ежегодно до конца XVIII в. справлялся обряд «обручения» венецианских дождей с Адриатическим морем, ко времени «тяжких цепей», когда Венеция была под владычеством Австро-Венгрии [32, с. 393].

Примечательно, что «лесенке» предшествует строфический пробел, который создает особую паузу перед ней, делает ее более выпуклой и усиливает создаваемый ею эффект перемены времени.

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы: 1) в поэзии Тютчева встречаются три средства графики: «лесенка», курсив, графический эквивалент текста; 2) наиболее предпочтительным графическим приемом в произведениях Тютчева является курсив; 3) Тютчев – поэт, интенсивно использовавший курсив наряду с другими поэтами XIX века, в частности в конце 1810–1820-х гг. Тютчев, как и другие поэты, активно употребляет курсив имен собственных и местоимений; 4) курсив поэта в 32% случаев выделяет рифму и взаимодействует с ней; 5) роль всех трех графических приемов достаточно разнообразна: «лесенка» выполняет функцию смены временных пластов, графический эквивалент текста – функцию обозначения перемен, контраста, эмоционально-психологического жеста, курсив – функцию выделения «условных понятий», художественного времени, маркирования выражения отношения к чему-либо, иронии, подчеркивания характеристики лица, предмета или явления, «чужого слова», сопоставления понятий.

Таким образом, все средства графики маркируют важнейшие особенности поэтического мира Тютчева: стремление к полярностям и противоположностям, бинарность, тяготение к теме времени, что свидетельствует о значительной роли графики в его поэтической системе.

Список использованной литературы:

1. Берковский Н.Я. О русской литературе.– Л.: Наука, 1985.
2. Борисова И.М. Графический облик поэзии: «лесенка», курсив, графический эквивалент текста (на материале поэзии Н.А. Некрасова, его предшественников и современников): Дисс. ...канд. филол. наук. Оренбург, 2003.
3. Борисова И.М. Графический облик поэзии – объект филологического исследования // Вызовы XXI века и образование». Материалы всеросс. науч.-практ. конф.(электрон.)– Оренбург, 2006.– Секция 4.– С. 21-28.
4. Борисова И.М. К вопросу о специфике функционирования курсива в стихотворной речи (на материале поэзии Н.А. Некрасова) // Вестник ОГУ.– 2005.– № 11.– С. 32-38.
5. Борисова И.М. Курсив в поэзии Н.А. Некрасова (постановка вопроса // Региональная науч.-практ. конф. молодых ученых и специалистов Оренбургской области.– Оренбург: ИПК ОГУ, 2002.– С.72-73.
6. Борисова И.М. Курсив и «чужое слово» в стихотворных произведениях Н.А. Некрасова // Вестник ОГУ.– 2005.– № 2.– С. 80-83.
7. Борисова И.М. Курсив Н.А. Некрасова как средство маркирования пространственно-временных форм // Пространство и время в художественном произведении: Сб. науч. статей.– Оренбург: Издательство ОГПУ, 2002.– С. 199-204.
8. Борисова И.М. «Лесенка» в произведениях русских поэтов XVII-XIX веков // Человек и общество: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Ч. 3.– Оренбург: ОГУ, 2001.– С. 131-133.
9. Борисова И.М. Функции графического эквивалента текста в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Проблемы поэтики и стиховедения: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 75-летию АУ им. Абая и памяти проф. А.Л. Жовтиса. Ч. 1.– Алматы: КазНПУ им. Абая, 2003.– С. 99-103.
10. Борисова И.М. Функции курсива в поэзии Н.А. Некрасова // Литература и общественное сознание: варианты интерпретации художественного текста: Материалы VII междуз. науч.-практ. конф. Вып. 7. Ч. 1.– Бийск: НИЦ БПГУ им. В.М. Шукшина, 2002.– С. 23-31.

11. Борисова И.М. Функции «лесенки» в поэзии Н.А. Некрасова // Региональная науч.-практ. конф. молодых ученых и специалистов Оренбургской области. Ч. 3.– Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004.– С. 19-20.
12. Бухштаб Б.Я. Стихи Тютчева о времени // Бухштаб Б.Я. Фет и другие.– СПб.: Академический проект, 2000.– С. 64-74.
13. Винокур Г.О. Филологические исследования.– М.: Наука, 1990.– С. 77.
14. Гаспаров М.Л. Стих // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина.– М.: НПК «Интелвак», 2001.– Стб. 1034.
15. Гачева А.«Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...»: Достоевский и Тютчев.– М., 2004.
16. Гиршман М.М. Анализ поэтических произведений Пушкина, Лермонтова, Тютчева.– М.: Высшая школа, 1981.
17. Григорьева А.Д. Слово в поэзии Тютчева.– М.: Наука, 1980.
18. Жовтис А.Л. В рассыпанном строю...(Графика современного русского стиха) // Русская литература.– 1968.– № 1.– С. 123-134.
19. Кожин В.В. Тютчев.– М.: Молодая гвардия, 1988.
20. Лотман Ю.М. Графический образ поэзии // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии.– СПб.: «Искусство-СПБ», 2001.– С. 77-81
21. Лотман Ю.М. Поэтический мир Тютчева // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии.– СПб.: «Искусство-СПБ», 2001.– С. 565-594.
22. Маймин Е.А. Русская философская поэзия. Поэты-любомудры, А.С.Пушкин, Ф.И.Тютчев.– М.: Наука, 1976.
23. Мозговых И.Г. Бинарность как принцип поэтики Ф.И. Тютчева: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Алматы, 1997.
24. Николаев А.А. Художник – мыслитель – гражданин // Вопросы литературы.– 1979.– № 1.– С. 116-157.
25. Новинская Л.П. Метрика и строфика Ф.И. Тютчева // Русское стихосложение XIX века.– М.: Наука, 1979.– С. 355-413.
26. Осповат А.Л. «Как слово наше отзовется...»: О первом сб. Ф.И. Тютчева.– М., 1980.
27. Петрова И.В. Мир, общество, человек в лирике Тютчева // Литературное наследство. Федор Иванович Тютчев. Т. 97: В 2-х кн. Кн. 1.– М.: Наука, 1988.– С. 13-69.
28. Пигарев К.В. Ф.И. Тютчев и его время.– М.: Современник, 1978.
29. Подгаецкая И.Ю. «Свое» и «чужое» в поэтическом стиле. Жуковский – Лермонтов – Тютчев // Смена литературных стилей. На материале русской литературы XIX-XX веков.– М.: Наука, 1974.– С. 201-250.
30. Пумпянский Л.В. Поэзия Ф.И. Тютчева // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы.– М.: Языки русской культуры, 2000.– С. 220-256.
31. Томашевский Б.В. Графическая форма // Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие.– М.: Аспект Пресс, 2001.– С. 98-101.
32. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. Н.Я. Берковского. Примеч. А.А. Николаева.– Л.: Сов. писатель, 1987.
33. Шайтанов И.О. Ф.И. Тютчев: поэтическое открытие природы.– М.: Издательство МГУ, 1998.
34. Чагин Г.В. Федор Иванович Тютчев (185 лет со дня рождения).– М.: Знание, 1988.